

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Понять себя
и других людей

НИКА
ЧЕРМЕНСКАЯ

Ника Черменская

Философская антропология.

Понять себя и других людей

<https://litres.ru/74540114>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нам предлагают искать настоящее «я», прорабатывать ограничения, выстраивать границы, становиться осознаннее и устойчивее. Но что, если за заботой о себе скрывается требование бесконечно себя переделывать? И кто решил, каким должен быть правильно устроенный человек?

Автор обращается к философии, чтобы проверить привычные очевидности. Правда ли свобода означает независимость? Всегда ли желания говорят о наших потребностях? Можно ли доверять телу как внутреннему компасу? Должна ли жизнь иметь смысл, а близость — быть безопасной? И стоит ли из всего извлекать уроки?

Вместе с Кассирером, Плеснером, Шелером, Ницше, Мерло-Понти, Сартром и Бовуар автор рассматривает человека таким, каким его редко допускает культура саморазвития: телесным, зависимым от других, противоречивым, не способным полностью собой управлять — и всё же свободным и ответственным.

Это книга о том, где заканчивается работа над собой и начинается постоянное навязывание вины за то, что исправлять в себе не требуется.

Содержание

—	5
Глава 1. Подлинника не существует?	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Философская антропология. Понять себя и других людей

С некоторых пор даже отдых приходится оправдывать пользой. Отдыхать полагается для восстановления, гулять — для нервной системы, встречаться с друзьями — ради поддержки социальных связей. К удовольствию желательно приложить справку о том, что оно способствует чему-нибудь ещё. Просто просидеть вечер у открытого окна, по-видимому, недостаточно: хорошо бы заодно вернуться в контакт с собой.

У этого языка есть достоинство. Он помогает выпросить у себя то, на что раньше не находилось разрешения. Тот, кто стыдится безделья, скорее согласится восстанавливать ресурс. Но уступка получается странная. Право ничего не делать куплено обещанием лучше работать потом. Начальник уходит из комнаты, оставив вместо себя заботливую формулировку.

Меня занимает именно этот момент. Не очевидная грубость требования, а его ласковый облик. Когда приказ зву-

чит как помощь, спорить с ним труднее. Забота о себе выглядит безусловным благом; попробуй возразить — окажется, что ты недостаточно себя ценишь. Между тем заботиться можно по-разному. Можно перестать предъявлять к себе лишние требования, а можно обзавестись ещё одним набором требований и назвать его заботой.

Психологический словарь тут ни в чём не виноват сам по себе. Слово «граница» действительно помогает назвать то, на что прежде не хватало слов. Разговор о травме способен прекратить многолетнее обвинение пострадавшего. Возможность обратиться за помощью без стыда — настоящее приобретение. Я не собираюсь отнимать у людей ни слов, ни помощи. Но хорошее средство не становится от этого хорошим объяснением всего на свете.

Мы можем знать, что чувствуем, и всё ещё не знать, справедливо ли с нами обходятся. Можем установить причину своего поступка, не ответив на вопрос, имели ли право так поступать. Можем прекрасно понимать собственную потребность и требовать для её удовлетворения слишком много от другого. Между этими вопросами есть расстояние. Когда его перестают замечать, язык переживаний начинает незаметно решать вопросы права, долга, любви и общего устройства жизни.

Удобство такого перевода понятно. Внутри себя как будто есть куда обратиться. Снаружи — чужие интересы, правила, деньги, история, сопротивление. Проще искать внутрен-

ний запрет на благополучие, чем разбираться, почему благополучие зависит от обстоятельств, на которые ты почти не влияешь. Проще искать страх близости, чем признать, что конкретная близость требует от тебя непосильной уступки. Иногда именно страх и запрет оказываются верным объяснением. Опасна привычка выдавать его раньше, чем ясно происходящее.

Кроме того, в распоряжение человеку незаметно передают всё предприятие его жизни. Ему надлежит правильно выбрать работу, разумно распределить нагрузку, наладить отношения, обеспечить себе поддержку, сохранить здоровье и позаботиться о том, чтобы всё это имело смысл. Он одновременно исполняет обязанности работника, руководителя, врача, воспитателя и отдела контроля качества. Если предприятие даёт сбой, служебное расследование тоже проводит он.

На этой должности трудно не устать.

Философская антропология начинается с вопроса, который при таком распределении обязанностей почти неприличен: о каком существе вообще идёт речь? Что оно может, что ему требуется от других, в какой мере оно себе принадлежит? Почему мы считаем самоочевидным, что человек должен ясно знать свои желания, контролировать реакции и оставаться внутренне устойчивым при любой внешней погоде? Из наблюдения за людьми такие требования едва ли могли возникнуть. Люди ведут себя иначе. Возможно, тре-

бования описывают чью-то мечту о человеке. Следовало бы установить, чью именно.

Философы тоже мечтали, ошибались, защищали собственные предпочтения под видом всеобщей истины. Среди них нет беспристрастной комиссии, которой можно передать наши дела. Но у философии есть хорошая привычка: спрашивать об основаниях того, что остальные уже приняли. Почему разум должен быть хозяином желания? Что означает быть самим собой? Всегда ли зависимость мешает свободе? Достаточно ли человеку счастья? Не желает ли он порой чего-то такого, ради чего готов испортить жизнь себе и окружающим?

Последний вопрос особенно неудобен для литературы о благополучии. В ней человек обычно представлен существом, которое стремится жить хорошо, но сбивается с дороги из-за недостатка знаний, плохого опыта или вредных привычек. Получи он верное объяснение — и дело постепенно наладится. Между тем человек способен знать, что делает, и продолжать. Может предпочесть превосходство покою, верность — безопасности, месть — будущему. Может дорожить представлением о собственной правоте больше, чем отношениями, ради которых будто бы эту правоту отстаивает. Возможность такого выбора принадлежит нашей свободе вместе с более привлекательными её проявлениями.

Было бы, впрочем, слишком дёшево объявить всё это «тёмной природой человека». Разоблачитель быстро приоб-

ретаает уверенный голос: за любовью у него непременно прячется выгода, за добротой — тщеславие, за убеждениями — желание власти. С таким инструментом невозможно ошибиться, поскольку он всегда находит то, что заранее ищет. Но и узнать ничего нельзя. Заботу приходится признавать заботой, даже когда заботящийся небезупречен. Иначе суровое знание о людях оказывается всего лишь неспособностью их различать.

В этой книге мне важно сохранить два обстоятельства, которые плохо уживаются друг с другом. Во-первых, человек не располагает собой целиком. Его жизнь телесна, исторична, зависима от других; многое совершается до того, как он успевает дать согласие. Во-вторых, из этого не следует, что поступки совершаются без него. Мы можем быть ограничены и отвечать. Нуждаться и отказывать. Получить язык от других и сказать на нём то, чего от нас не ждали.

Философская антропология в узком историческом смысле связана прежде всего с работами Макса Шелера, Хельмута Плеснера и Арнольда Гелена. В первой половине XX века они по-разному пытались понять человеческое положение, не удовлетворяясь ни описанием организма, ни образом чистого сознания. В более широком смысле вопрос о человеке проходит через всю философию. Поэтому рядом с ними здесь будут Кассирер, Ницше, Гегель, Мерло-Понти, Сартр, Бовуар, Рикёр. Они не составляют одной школы. Иногда их расхождение важнее совпадений.

Я буду задерживаться именно на расхождениях. Если философа можно без остатка перевести в полезный совет, от его мысли, скорее всего, уже что-то отрезали. Гелен не просто рекомендует полезные привычки. Сартр не учит уверенности в себе. Плеснер не предлагает внимательно следить за эмоциями. За каждым из них стоит представление о том, что делает человека человеком, и у каждого это представление ведёт к выводам, которые нам необязательно понравятся.

Не станем заранее мирить их ради собственного удобства. Свобода и устойчивость действительно могут требовать разного. Близость не всегда совместима с неприкосновенностью. Понимание не гарантирует согласия. Иногда мысль полезна именно тем, что лишает нас слишком дешёвого выхода.

Мне хотелось бы также вернуть нашим затруднениям их настоящий размер. Виной отдельного человека часто становится то, что составляет условие человеческого существования: нужда в других, старение, невозможность прожить все жизни, несовпадение желания с обязательством. Зато вполне изменяемые порядки объявляют вечными. Такова конкуренция, таковы мужчины, таковы женщины, такова жизнь. В одном случае от нас требуют невозможного. В другом убеждают, что возможного делать не стоит.

Между этими двумя ошибками и пройдёт наш разговор.

У него не будет последней страницы с портретом окончательно здорового, свободного, цельного человека. Я не

встречала такого человека и не уверена, что хотела бы с ним познакомиться. Зато мы попробуем разобраться, откуда берутся портреты, с которыми нас заставляют сверяться, что они скрывают и какой жизнью приходится за них расплачиваться.

После этого кое-что, возможно, станет труднее объяснять. Зато не придётся так часто объяснять самих себя как неудачу.

Глава 1. Подлинника не существует?

В поисках себя есть одна подробность, которая обычно остаётся без внимания: ищущий уже знает, каким должен оказаться результат. Настоящее «я» предполагается живым, смелым, свободным от условностей. Оно любит то, что мы разучились любить, хочет того, чего мы себе не позволяем, и вообще располагает более точными сведениями о нашем счастье. Никто не отправляется на поиски себя в надежде обнаружить мелочного, ленивого и весьма зависимого человека, которому хорошо в обыкновенной жизни.

Поиски, следовательно, ведутся с приметами. Найденное будут сличать с заранее составленным описанием. Если обнаружится что-нибудь неприятное, это нетрудно объявить наносным: семейной установкой, защитой, чужим ожиданием. Всё хорошее принадлежит подлинной личности, всё дурное попало в неё снаружи. При такой организации расследования оправдательный приговор обеспечен.

Потребность в нём понятна. Когда человека долго при-
нуждали к чужой жизни, ему необходимо поверить, что
внутри сохранилось что-то неповреждённое. Эта вера быва-
ет опорой. Но объяснение происхождения личности — дру-
гое дело. Утешительная сила представления ещё не доказы-

вает, что человек действительно устроен как ценный предмет под слоем поздней краски.

Начнём с простого затруднения. Чем именно мы собираемся снимать слои? Языком, усвоенным в семье и школе? Понятиями, прочитанными в книгах? С помощью собеседника, который предложит ещё один взгляд со стороны? Чем усерднее мы освобождаем себя от чужого участия, тем больше чужих средств приходится употреблять.

Это не ловушка, из которой можно выбраться более тонкой техникой. В ней видно устройство самого предмета. Способность человека говорить о себе возникает не в одиночестве. Мы получаем местоимение «я» из языка, на котором до нас уже говорили другие. Узнаём своё имя прежде, чем можем решить, нравится ли оно. Учимся различать стыд и страх, обещание и намерение, потерю и обиду в мире, где эти различия уже кем-то проведены. Не всё, что мы чувствуем, создано словами, но без слов многое невозможно удержать, сопоставить, оспорить.

Позднее эти средства начинают ощущаться совершенно личными. Мысль произносится внутри, посторонних не слышно. Отсюда легко заключить, что и возникла она в полной независимости. Так привычный инструмент перестают замечать именно потому, что хорошо им владеют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.